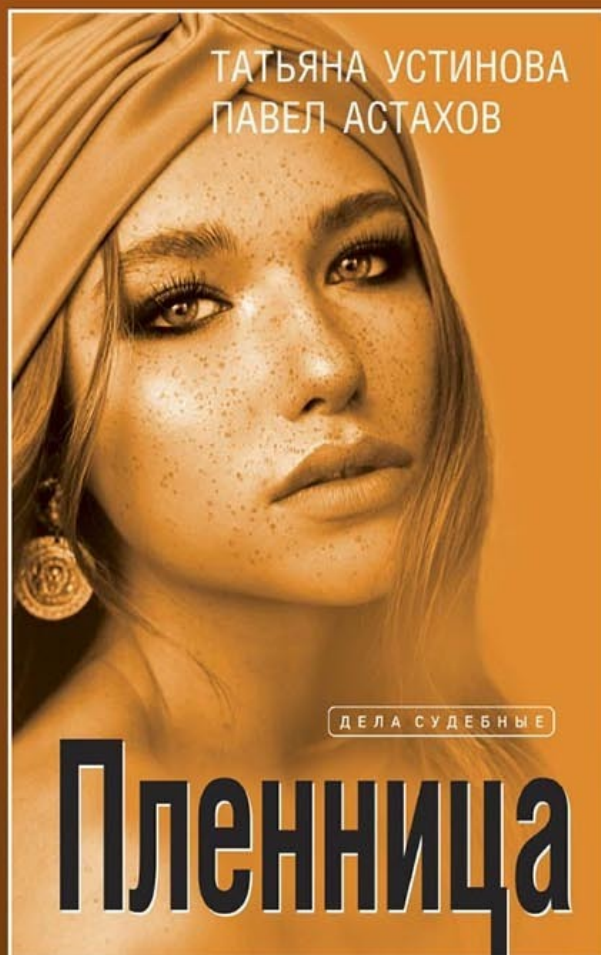

ЦЕНА ПРАВДЫ

Комплект
из 3 книг

Дела судебные: Т. Устинова, П. Астахов

Татьяна УСТИНОВА

Цена правды. Комплект из 3 книг

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Цена правды. Комплект из 3 книг / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2026 — (Дела судебные: Т. Устинова, П. Астахов)

ISBN 978-5-04-252479-0

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Недоброе имя», «Пленница», «Квартира в раю». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Недоброе имя» Это история о предательстве, неожиданном ударе из прошлого, о любви, проходящей испытание на прочность, и о борьбе за свое доброе имя, когда весь мир, кажется, ополчился против тебя. В мире, где репутация строится и рушится одним словом, федеральный судья Елена Кузнецова становится мишенью для безжалостной и анонимной травли. Поток лжи и клеветы, запущенный в глубинах интернета, грозит уничтожить не только карьеру Кузнецовой, но и саму ее личность. Пока искусственный интеллект выносит Елене обвинительный приговор, а близкие сомневаются, она вступает в отчаянную схватку с невидимым врагом. Сможет ли она найти кукловода, дергающего за ниточки в этой грязной игре, прежде чем ее жизнь будет разрушена до основания? «Пленница» «Скупой платит дважды». «Не зная брода, не суйся в воду»... Эти простые истины известны всем и каждому, но как отказаться от выгоды, когда она сама плывет в руки? Купившись на щедрое предложение, любимая сестра Лены оказывается в африканской тюрьме, и помочь ей некому. Придется строгой и неподкупной судье Елене Кузнецовой стать еще и адвокатом. «Квартира в раю» У Елены Кузнецовой скоро день рождения, притом юбилей. Любимый мужчина преподносит царский подарок — квартиру. Да и любимая сестра Натка теперь тоже с новой жилплощадью. Не придется ли строгой и неподкупной Елене Кузнецовой поступиться своими принципами? *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252479-0

© Устинова Т. В., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Недоброе имя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Астахов, Татьяна Устинова

Цена правды. Комплект из 3 книг

Недоброе имя

© Астахов П., Устинова Т., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Председатель Таганского районного суда Анатолий Эммануилович Плевакин внезапно заинтересовался всем, что связано с ИИ. В один из дней он пригласил помощника судьи Елены Кузнецовой Тимофея Барышева к себе в кабинет, чтобы узнать о новых технологиях побольше.

Тимофей начал рассказывать с некоторой опаской. Плевакин был, конечно, мужик умный, но все-таки немного старомодный. Даже с компьютером у него отношения складывались слегка напряженно, на уровне не совсем уверенного пользования текстового редактора. К примеру, Эксель с его таблицами для Анатолия Эммануиловича оставался китайской грамотой.

Тем не менее слушал он внимательно.

– И что можно делать с помощью этой твоей штуки? – уточнил он после вводного курса разъяснений.

– Ну например, недавно ученые восстановили утерянный гимн хвалы Вавилону.

– Чего?

– Ученые из Мюнхенского университета и университета Багдада составили платформу «Вавилонская электронная библиотека». Они оцифровали все найденные фрагменты клинописных текстов из Месопотамии и потом привлекли искусственный интеллект для расшифровки и сопоставления сотен глиняных табличек из библиотеки Сиппара. И вот когда они это делали, в процессе расшифровки обнаружили текст, состоящий из примерно двухсот пятидесяти строк, датируемый началом первого тысячелетия до нашей эры. В нем воспевается величие Вавилона. В тексте говорится о могуществе древнего города и о жизни в нем. Ученые пришли к выводу, что это гимн. Кроме того, в тексте есть информация о роли жриц и их обрядах. До этого ученые не находили такого подробного описания жизни вавилонских женщин.

– А нам что с того? – не проявил энтузиазма Плевакин.

– Нам ничего. Просто интересно. Теперь ученые во всем мире будут использовать искусственный интеллект в археологии.

– Нас археология не интересует. Нам бы с юриспруденцией разобраться, – вздохнул Анатолий Эммануилович. – В нашей работе от этой штуки какая может быть польза?

Тимофей тщательно пересказал начальнику все то, что до этого сообщал Елене Кузнецовой.

– Мелко как-то, – остался недоволен Плевакин. – Вот я, например, хочу внедрить аттестацию сотрудников.

– А чего ее внедрять? – не понял Барышев. – Она же существует. Все знают, что квалификационная аттестация судей – это оценка уровня профессиональных знаний судьи, его умения применять их при осуществлении правосудия, результатов деятельности, деловых и нравственных качеств, а также соответствия его требованиям, предъявляемым законом и кодексом судейской этики.

– Да это-то понятно, – махнул рукой Плевакин. – Я о другом говорю. Хочу провести внутреннюю аттестацию, чтобы понимать, ждать мне от своих сотрудников каких-то сюрпризов или нет. Вот скажи, ты можешь с помощью своего искусственного интеллекта провести какой-нибудь тест по всем судьям нашего суда по вопросу их профпригодности?

– Так с помощью своего интеллекта или искусственного? – неуклюже пошутил Барышев. Странное поручение Плевакина привело его в замешательство.

– Ты можешь, применив возможности искусственного интеллекта, оценить уровень профессионализма и компетенции наших судей? – терпеливо разъяснил Плевакин.

– ИИ может только быстро проанализировать всю имеющуюся в сети информацию, в которой упоминаются имена наших сотрудников, их дела, принятые решения и вообще все, что их касается. И дать какое-то заключение о целесообразности их нахождения в статусе судей. Это не совсем анализ глубины профессионализма. Это же не экзамен, где они на вопросы отвечают. Это скорее ответ на вопрос о соблюдении некоего этического кодекса, поведении в общественном пространстве. Ну и частоты отмены решений, к примеру. Не больше. Кадровые решения я на основе такого анализа принимать бы не рекомендовал.

– Я не спрашиваю у тебя совета по своим кадровым решениям, – Плевакин вдруг рассердился. – Я тебе задал простой вопрос. Можешь проанализировать все, что есть?

– Могу. – Барышев по-прежнему не очень понимал, чего именно хочет от него Анатолий Эммануилович. – А с чего вдруг такой вопрос-то возник?

– Ни с чего. Моя жена очень любознательная. Много времени в интернете проводит. И то, что она там читает, ей не всегда нравится. Вот с чего. Сделай, пожалуйста. И начни с Кузнецовой, Горелова и Помеловой. Очень интересно, что именно о них знает вездесущая мировая паутина.

– Хорошо. К утру сделаю, завтра покажу результат. Могу идти?

– Можешь. – Плевакин махнул рукой. Выглядел он каким-то растерянным и неуверенным в себе. По крайней мере, Тимофей, хоть и не очень давно знал председателя суда, таким видел его впервые. – И да. Наверное, мне не стоит предупреждать тебя, чтобы ты о моем маленьком поручении пока никому не говорил. Этой троице особенно. Сам понимаешь, вопрос деликатный и щепетильный. Тем более что именно к ним у меня особое отношение.

– Хорошо, – кивнул Барышев. – Спасибо, что предупредили, потому что действовать за спиной Елены Сергеевны я считаю неправильным. Она мой непосредственный руководитель. Но я обещаю, что до получения результатов ничего ей не скажу и вам покажу их первому.

– Вот и договорились.

Однако Тимофей Барышев все-таки нарушил данное Плевакину обещание. Поздним вечером, почти ночью, он позвонил Елене Кузнецовой и напряженным голосом сообщил, что ему срочно нужно с ней поговорить.

– Что-то с Сашкой?

– Нет, с ней все в порядке. Мы с ней сегодня не виделись, потому что у меня появилось срочное дело, но час назад разговаривали. Она дома. У нее все хорошо. Речь идет о вас.

– Приезжай, – тут же отреагировала Елена Сергеевна. – Адрес знаешь?

– Да. Мне ехать минут двадцать.

Причиной ночного визита, из-за которой Тимофей гнал свою спортивную машину по ночной Москве, стало заключение искусственного интеллекта, выданное в ответ на составленный Барышевым промт, то есть запрос для нейросети.

«Судья Кузнецова должна быть подвергнута дисциплинарному взысканию и обязана срочно освободить свою должность. Дальнейшее пребывание федерального судьи Е. С. Кузнецовой в этой должности наносит ущерб авторитету правосудия и грозит непоправимыми последствиями», – гласило заключение.

Тимофей оторопело смотрел на экран. Ничего подобного он увидеть не ожидал, конечно. Немного подумав, он составил новый поисковый запрос, чтобы выяснить, почему искусственный интеллект сделал такой вывод.

«По совокупности публикаций в доступных мне источниках в сети Интернет», – ответила нейросеть.

Барышев запросил примеры публикаций и уже через минуту увидел огромный ворох статей, заметок и постов, в которых упоминалась федеральный судья Кузнецова. В негативном ключе, разумеется. Все это сильно смахивало на масштабную заказную кампанию, которую проводил против Елены Сергеевны неизвестный противник.

Всем этим Тимофей Барышев и собирался срочно поделиться с начальницей, чтобы до утра, когда его ждал Плевакин с результатами выполненного поручения, успеть понять, что им всем теперь делать.

* * *

Петр Шкуратов стоял у окна и смотрел на осенний сад. Ярко-желтая листва ослепительно сияла на фоне голубого неба. Осень уже полностью вступила в свои права, несколько дней шел нудный серый дождь, размывающий картинку за окном в мутное пятно, в тумане которого скрывались и деревья, и поля, начинающиеся сразу за садом, и соседняя деревушка на склоне холма, по другую сторону поля.

Английская деревня, в которой Шкуратов поселился пять лет назад, сразу после отъезда из России, по-прежнему навевала на него тоску. Хотя вещи надо называть своими именами. Его отъезд больше походил на бегство, да таковым, по сути, и являлся. Если бы он не уехал тогда в одночасье, то, скорее всего, его бы арестовали и он проводил бы сейчас время не в Туманном Альбионе, а на зоне, где-нибудь в Мордовии. Вот уж где точно тоска.

Петр вздохнул и потер пальцами переносицу. Мог ли он, мальчик из глубинки, отправившийся в далеком 1991 году покорять журфак МГУ, хотя бы подумать, что так сложится его жизнь. Он вырос в совсем простой семье: папа – рабочий на заводе, мама – медсестра в районной поликлинике. В перестроечные годы частенько бывало, что им и на еду не хватало, если бы не огород и корова, которых держала в деревне бабушка.

Только благодаря присылаемым ею продуктам и выживали. Петя был старшим, после него у родителей появились еще две сестренки-близняшки. Решение сына покорять Москву в семье считали блажью. Какая уж тут Москва, когда денег катастрофически не хватает.

– Школу закончишь, и давай к нам, на завод, – рубил отец. – Получку, конечно, задерживают, но платят же. Если научишься вкалывать и выдавать двойную норму, деньги вполне нормальные. Половину зарплаты будешь матери отдавать, чтобы ей полегче было, а на вторую – делай, что хочешь. Спрашивать не станем.

– Пап, я учиться хочу, – терпеливо объяснял Петя. – На журналиста.

– Глупости все это и блажь, – сердился отец. – Какого такого журналиста? Разве ж это профессия, которая прокормит? Дело должно быть в руках, тогда всегда себе на жизнь заработаешь.

– Папа, вот у тебя профессия в руках, и что? Помогло это тебе? – Петя вышел из себя. – Всю жизнь с матерью горбатитесь. У нее две смены, у тебя два плана, а на выходе что? На море хоть раз в жизни были? Сидим на головах друг у друга. У девчонок вон джинсов нет. А у матери сапоги драные и пальто старое. Ты это нормальной жизнью считаешь? Я так не хочу! Ты по сторонам посмотри. В нашем городе после школы только два пути: либо на завод, либо в бандиты. Половина города спилась, вторая как-то держится, и обе еле-еле концы с концами сводят. А в Москве совсем другие возможности.

– Ага, ждут там тебя, в этой Москве, – отец утратил запал, и Петя впервые вдруг увидел, что батя у него практически старый. – Ты, конечно, поступай, как знаешь, только имей в виду, мы тебе на эту авантюру ни копейки не дадим.

– А я и не попрошу, – пообещал Петя, и больше они к этому разговору до самого выпускного не возвращались.

Получив аттестат и отгуляв выпускной, на следующий же день Петя уехал в Москву. Деньги на билет он собрал. Последние два года он подрабатывал в районной газете, куда приносил свои статьи и получал гонорары, копеечные, разумеется. Гораздо более существенной статьей дохода были деньги, которые Пете платил ведущий журналист газеты Иван Маментьев. Считался он в их Суходольске местной звездой, его статьи регулярно выходили на первой полосе «Суходольского вестника», вот только писал их частенько не Маментьев, а десятиклассник Петр Шкуратов.

Маментьев сильно пил и зачастую оказывался не в состоянии выполнить редакционное задание, а из-под пера неленивого и любопытного Пети выходили хлесткие строчки, украшающие любую передовицу. И за это Маментьев, больше всего боявшийся, что правда о его творческой импотенции всплывет наружу, платил школьнику неплохие деньги. На билет до Москвы и на то, чтобы первое время не сдохнуть с голоду, по крайней мере, хватило.

Помимо денег имелся у Шкуратова и еще один сильный «туз в рукаве». Еще в девятом классе он прочитал одну статью известного публициста Юрия Земчихина, после которой, собственно говоря, и начал грезить о журналистике. В сентябре выпускного класса Петя осмелился и отправил Земчихину письмо, в котором поделился своими мечтами, и, как ни странно, получил ответ.

Весь год мальчишка из Суходольска переписывался с мэтром, который поддержал его намерение приехать в столицу и даже пообещал на первое время приютить у себя. Так что ехал Петя не в белый свет, как в копейку, а по конкретному, имеющемуся у него адресу.

– Надоест маяться дурью – вернешься, – такими словами проводил его отец.

Чем не родительское напутствие?

И почему он сейчас об этом вспомнил?

Шкуратов вздохнул и отошел от окна. На кухонном столе звякнул телефон, принесся новое сообщение. Его номер знали совсем немногие, потому что у Петра имелись весомые основания опасаться за свою жизнь. Слишком серьезных людей он вывел на чистую воду своими журналистскими разоблачениями и еще большему количеству просто испортил жизнь, выполняя в своем телеграм-канале заказы по их очернению. За деньги, разумеется. Жизнь в английской деревне, знаете ли, не дешевое удовольствие, да и давний осведомитель, ставший партнером и совладельцем канала, тоже любит сладко есть и мягко спать.

Пришедшее сообщение было как раз от него и содержало новую порцию компромата на персону, которая находилась у них в разработке уже месяц. Для связи они использовали закрытый канал все в том же Телеграме, и это позволяло Шкуратову скрывать свой номер телефона даже от партнера.

Прочитав задание, он принялся за работу, быстро создал нужный текст и разместил его, ухмыльнувшись про себя. Несмотря на то, что на часах всего десять утра, он налил себе в пузатый бокал виски, пальца на два, не больше, и уселся в кресло-качалку у камина, снова погрузившись в воспоминания.

Москва ошеломила скромного провинциала. Выйдя из поезда, он застыл на площади трех вокзалов, пораженный в первую очередь обтекающей его толпой. Людей было так много, что у Пети закружилась голова. Пришлось даже постоять пару минут, чтобы прийти немного в себя, и только затем уже двинуться к метро. Дорога до дома Юрия Земчихина заняла минут сорок. И все это время Петя как зачарованный разглядывал вагон метро, станции, на которых останавливался поезд, людей, входящих и выходящих из вагонов.

Большинство из них читали книги. Кто-то – учебники, кто-то газеты, но большинство именно книги, художественную литературу, и Петя, которого дома всегда ругали за то, что он слишком много времени проводит за чтением, немного приободрился. Да, Москва – это его город, и он обязательно добьется в нем успеха.

Земчихин, которого он не предупреждал заранее о своем приезде, оказался дома, и Петя счел подобное везение еще одним хорошим знаком. Он даже представить себе не мог, что бы делал, если бы известный журналист оказался, к примеру, в отъезде. Но Юрий Константинович открыл дверь и с легким недоумением уставился на неожиданного визитера.

– Добрый день. Вы ко мне?

– Да, я Петя Шкуратов. Вот, приехал в Москву, как вы и советовали.

Если Земчихина и ошеломило его внезапное появление, виду он не подал. Сделал шаг назад, пропуская гостя в прихожую.

– Проходи, разувайся. Пошли на кухню, я как раз собирался завтракать.

– А это удобно? – тогдашний семнадцатилетний Петя, в отличие от сегодняшнего пятидесятидвухлетнего Петра Шкуратова, обладал такими качествами, как тактичность и совесть.

– Вполне. Я один, жена с детьми отбыла на лето в Юрмалу. У нас там дача. На Рижском взморье.

У Пети перехватило дух. Так вот как живут известные советские репортеры. И он, Петя, когда-нибудь так сможет. Дача на Рижском взморье. Среди сосен и песчаных дюн. А не убогая квартирка в родном Суходольске, где в трех комнатах вынуждены ютиться родители, две девочки-подростки и семнадцатилетний парень. И ведь это еще считается хорошо. Соседи и того не имеют.

В то первое московское утро Земчихин пожарил ему яичницу с помидорами, сварил сосиски и налил кофе, который до этого Петя никогда не пил. Не любил он кофе, точнее напиток из цикория, тот суррогат, что мать заваривала каждое утро. Из чашки, которую поставил перед ним Юрий Константинович, пахло божественно. Петя сделал аккуратный глоток и зажмурился, так было вкусно.

– Тоже любишь кофе? – спросил Земчихин. – Я без него жить не могу. Литрами пью, когда работаю.

И Петя поспешил признаться, что любит, и с того самого дня утренний и обеденный кофе стал для него своеобразным ритуалом, показателем уровня жизни, с которым он не согласился бы расстаться ни за какие коврижки.

За завтраком они поговорили о Петиних планах. План поступать в университет, на факультет журналистики, Земчихин одобрил повторно, как уже не раз делал в своих письмах. Договорились, что пару дней Петя поживет у него, пока не подаст документы и не переедет в общежитие, полагавшееся ему как абитуриенту. И те самые первые его три дня в Москве стали для Петра Шкуратова лучшей школой на всю его оставшуюся профессиональную жизнь.

Он просто смотрел, как работает Земчихин, слушал его телефонные разговоры, вечерами вел восхитительные беседы о жизни и о всем ее разнообразии, вглядываясь в которое, можно получать бесконечный источник вдохновения.

В университет Петя не поступил, недобрал баллов, и, снова и снова вглядываясь в списки, где не было его фамилии, оглушенно не понимал, что ему делать дальше. Ясно было только одно: из общежития придется съехать.

– У тебя сейчас два пути, – сказал ему вечером Земчихин, к которому Петя явился оглушенный и растерянный. – Ты можешь вернуться домой, пойти работать, затем отслужить в армии, а потом вернуться и попробовать поступить снова. Вариант второй – сделать то же самое, но оставшись в Москве.

– Как же я могу остаться в Москве? – уныло спросил Петя, перспектива вернуться домой пугала всей своей необратимой унылостью. – Жить-то где и на что?

– Вариантов масса, – пожал плечами Юрий Константинович. – Конечно, для тех, кто предпочитает действовать, а не ныть. Москва предлагает кучу всякой работы, предусматривающей место для ночлега. Конечно, это не очень престижная работа, но для начала сойдет. А по ночам сможешь писать заметки для газеты. Обещаю, если это будет хорошо и талантливо, то я смогу сделать так, что тебя станут печатать. И для университета пригодится. Заметки, скажем, в «Московском комсомольце», весят побольше, чем в «Суходольском вестнике», это уж ты мне поверь.

Так и вышло, что Петя Шкуратов стал москвичом и восемь месяцев работал ночным сторожем в школе, ночуя в выделенной ему каморке рядом со спортзалом. В каморке хранился инвентарь для уборщика и стоял небольшой топчан, где Петя и спал. Во время дежурства он писал те самые заметки, которые, как и обещал Земчихин, ему действительно поручали в редакциях различных московских изданий. Днем же Петя ездил по редакционным заданиям, собирая фактуру, а еще мыл туалеты на вокзале, чтобы заработать побольше денег. На жизнь ему хватало, он даже домой отсылал, гордясь этим фактом.

Весной 1992 года Петю призвали в армию, и на два года он стал солдатом, а еще бессменным редактором местной стенгазеты. Точнее, служил он радистом, а стенгазетой занимался в свободное от службы время, и это его «домашнее задание», пожалуй, было тем единственным, что не дало ему сойти с ума.

В армии он прошел все стадии, которые полагались простому солдату, в том числе и дедовщину. Первые полгода после учебки его заставляли делать унижительные вещи – ползать на карачках, отжиматься до красной пелены в глазах, драить толчки. А еще били табуреткой. Петя дрался, как мог, но это мало помогало. Когда после полугода службы ему дали отпуск, он поехал не домой, к родителям, а в Москву, к Земчихину, потому что перед отцом и матерью не мог показаться с разбитым носом, сломанными ребрами и порезом на подбородке.

– Смотрю, уроки школы жизни действительно серьезные, – так прокомментировал его появление Земчихин, и больше они к этому вопросу не возвращались, потратив оставшееся время на написание и разбор очередных шкуратовских заметок.

Вернувшись из армии, Петя снова подал документы в МГУ. То ли сказался армейский опыт, то ли за три года он действительно стал лучше писать, но в университет его приняли. Пять лет Петя прожил в общежитии, наслаждаясь удобной кроватью, наличием душа и массой свободного времени. Только заселившись туда, он, не дожидаясь начала учебы, разослал свое резюме редакторам тридцати пяти изданий и получил лишь одно предложение, став в 1994 году штатным корреспондентом газеты «Новая Россия».

Издание было частным, финансировалось за счет одного известного российского политика, выходило еженедельно, иногда на двух, а иногда на тридцати двух полосах, в зависимости от наличия денег на оплату услуг типографии. Возглавлял газету известный журналист Игорь Глаголев, который рекомендовал Шкуратова своему давнему другу Ивану Дормидонтову, а тот пристроил Шкуратова на телевидение.

В рамках сотрудничества с двумя работодателями – Глаголевым и Дормидонтовым – Петр Шкуратов сделал интервью с тремя сотнями представителей российского шоу-бизнеса и стал заметной фигурой в столичном бомонде. Именно в те годы выяснилось, что Петр Шкуратов необычайно жаден до денег. Они были нужны ему практически постоянно и в огромных количествах, поэтому он не гнушался никакими подработками. Входя в звездную тусовку, Петя частенько оказывался свидетелем действий и поступков, которые известные люди предпочитали бы скрыть от посторонних глаз.

Работодателям эти жареные факты были не нужны, так что Петя не гнушался продавать их на сторону, в те издания, где не просто не стыдились своей «желтизны», а даже бравировали ею.

Например, на вечеринке кинопремии «Серебряный Сокол» Петр видел, что известный артист Михаил Рефренов появился в состоянии легкого подпития. На следующий день передовица одной из газет, с которой он сотрудничал, вышла со статьей, гласившей, что Рефренов, снявшийся недавно в боевике «Антиснайпер» у самого Егора Началовского, прибыл в состоянии сильнейшего опьянения на вечеринку, где разбил витрину, оскорбил сотрудников, затем упал в унитаз, где его и застали коллеги, они же спешно вывели дебошира и пьяницу.

Конечно, это была не совсем правда, а если уж быть совсем честным, полная неправда, зато хорошо оплачиваемая. Петя Шкуратов сначала купил себе в Москве однокомнатную квартиру, старую и убитую, зато в семи минутах от метро, а чуть позже переехал в собственную трешку, сделав в ней отличный ремонт. Машина у него тоже теперь имелась, пусть и с пробегом, но все-таки «Ауди».

Деньги в Суходольск он посылал по-прежнему, а вот наведываться домой не спешил. Съездил один раз, физически ощутив, как давит на плечи низкий потолок родительской квартиры, как душит его задымленный воздух Суходольска, отравленный выхлопами химкомбината, как не дают спать по ночам сухой, надрывный кашель отца, окончательно подорвавшего на производстве свое здоровье, и тихий плач матери.

Шкуратов вернулся в Москву, дав себе слово, что заработает максимальное количество денег, чтобы забрать родителей к себе. Доказать им, что они напрасно в него не верили. До покупки собственного дома в Подмоскovie оставалось совсем немного, когда Петя по нелепой оплошности потерял место на телевидении.

В своих передачах он по максимуму использовал образ плохого парня, откровенно хамя своим гостям, задевая их за живое, заставляя терять лицо. Ему позволялось все, что шокировало зрителя и притягивало к экранам, как магнитом. Ему платили за оскорбления звезд в эфире. Частенько он даже заранее не знал, кто именно придет сегодня к нему в программу, не готовился заранее и не имел ничего против своих гостей. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.